

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Классика и современность

О КЛАССИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ПРОБЛЕМЕ СОЗНАНИЯ.

Актуальные аспекты

Д.И. ДУБРОВСКИЙ

Сейчас много говорят и пишут о неклассических и постнеклассических подходах к философским проблемам. Действительно, развитие информационного общества, процессы глобализации существенно изменяют условия, формы и задачи философской деятельности, ставят новые острые вопросы. Все это целиком относится к проблеме сознания. Однако иногда создается впечатление недостаточной, мягко выражаясь, основательности тех построений и суждений, которые выступают под флагом модных постнеклассических претензий, резко порывающих с классикой. Они грешат чрезмерным плюрализмом, релятивизмом, безразмерным конструктивизмом, отходом от «ядерной» философской проблематики, что не столь уж редко наблюдается и в современных работах, посвященных проблеме сознания. Между тем эта многомерная проблема приобретает в нынешних условиях исключительную актуальность, является предметом первостепенного интереса не только для философии, психологии, гуманитарных дисциплин, но и для представителей естественнонаучного и технического знания, для различных интегративных образований и направлений в современной науке (когнитивных исследований, проблематики искусственного интеллекта, для той чрезвычайно широкой и, без преувеличения, судьбоносной для нашей цивилизации области познания и деятельности, в которой происходит конвергенция и взаимооплодотворение нанотехнологий, биотехнологий, информационных и когнитивных технологий). Накоплен колоссальный массив конкретно-научных знаний о феноменах сознания, которые способны существенно корректировать философские разработки. Для научных исследований феномена сознания крайне актуальны вопросы междисциплинарного подхода, выработки общепонятного языка описания и объяснения, соотношения различных методов (что хорошо видно на примере развития когнитивных наук, стремящихся объединить в еди-

ном концептуальном плане понятия и методы психологии, нейрофизиологии, лингвистики, информатики, компьютерных наук).

Разумеется, остаются серьезные теоретические трудности, касающиеся специфики философского и научного подходов к проблеме сознания, учета их результатов в единой концептуальной структуре, несмотря на различие языков описания и способов объяснения феноменов сознания. Во всяком случае, философские и научные исследования сознания должны укреплять свои взаимосвязи. В этом — одно из необходимых условий успешной разработки проблемы сознания, отвечающей запросам информационного общества.

Осмысление *единства* проблемы сознания сейчас крайне важно, и оно должно учитывать классические подходы и идеи, которые обретают новые интерпретации, но так или иначе включаются в неклассические концепции. Поэтому вполне уместно напомнить о главных классических подходах к проблеме сознания и подчеркнуть их роль в современных разработках этой проблемы.

Эти подходы развивались в плане *четырёх основных направлений*: объективного идеализма, дуализма, субъективного идеализма и материализма. Постулаты, определяющие каждое из указанных направлений, образуют *основные метафизические координаты* понимания и объяснения сознания. И хотя эти постулаты представляют для философа как будто общие места, они заслуживают вдумчивого отношения. Несмотря на возможность их различной интерпретации и превратного истолкования, они явно или неявно выражают существенные черты сознания, непременно используются в современных концепциях при разработке различных аспектов проблемы сознания. Остановимся кратко на каждом из них.

1. Объективный идеализм. *Сознание есть вечная и всеобъемлющая духовная субстанция, представляет собой действительную и возможную реальность, создает всё мыслимое разнообразие; предметный мир есть порождение мира идей, духовных монад, есть инобытие Духа, и наше человеческое сознание — не более чем одно из проявлений этой духовной субстанции (позиция, наиболее полно выраженная Гегелем).* Если вы принимаете эту позицию, то у вас есть хорошее основание для логических построений и объяснительных процедур, ибо сразу же устраняется противоположность между сознанием и внешним (предметным, физическим) миром, поскольку он произведен сознанием, есть его инобытие. В сущности, получается, что ваши *личные концептуальные построения и объяснения сознания* выступают разгадкой Логики и Закономерностей самой духовной субстанции, открывшей это вашему сознанию непосредственно или через другого избранного человека (скажем, такого великого философа, как Гегель, индивидуальный дух которого постигает Абсолютный Дух или, вер-

нее, Абсолютный Дух снисходит, чтобы открыть истину своему избраннику). Абсолютный Дух, как известно, весьма напоминает Бога с его качествами вечности, вездесущности, всеведения и всемогущества, а философ типа Гегеля — пророка, получающего откровение, ибо его устами глаголет Истина Абсолютного Духа. Правда, указанный постулат приводит к многочисленным противоречиям при попытках вывести из него объяснения целого ряда эмпирических характеристик индивидуального сознания, его происхождения и развития (но это — особая тема, требующая отдельного рассмотрения).

Метафизический постулат, лежащий в основе концепции объективного идеализма, носит мировоззренческий характер и не поддается четкому логическому опровержению (хотя против него и могут быть выдвинуты многочисленные эмпирические и теоретические аргументы). Опирающееся на него миропостроение привлекательно для огромного числа людей, поскольку оно имеет монистический характер, помогает преодолевать вопиющую неопределенность смысловых ситуаций, чувство собственного ничтожества, неустроенности и «заброшенности» в мире, страх смерти (в надежде на бессмертие души), «легкое» приобщение к Абсолюту.

Вместе с тем указанный постулат выражает в синтетическом и гипостазированном виде ряд существенных и во многом загадочных черт нашей субъективной реальности, особенно процессов мышления: способность восходить к идеям высокой степени общности и абстракции, оперировать ими как бы независимо от эмпирической реальности (в логике, математике, философии); активность сознания, неограниченные «действия» мысли в форме мечты и воображения (вопреки текущей действительности), феномены целеполагания, силы воли и нравственного самопринуждения. Эти вопросы продолжают оставаться крайне актуальными в современных разработках проблемы сознания.

2. Дуализм. *Существуют две субстанции: духовная и материальная.* Несмотря на их абсолютную противоположность, они, оказывается, способны воздействовать друг на друга. Поскольку это логически невыводимо из основного положения дуализма, мы имеем тут еще один скрытый постулат, используемый зачастую неявно. Но без него концепция дуализма вообще теряет смысл. С ним же она получается теоретически неэкономной и двусмысленной в самом своем основании, что влечет противоречия, неопределенности, концептуальные нестыковки при рассмотрении различных аспектов проблемы сознания. Это показано еще Кантом, а в прошлом веке Гуссерлем и Виттгенштейном, для которых критика Декарта была существенным пунктом развития собственных концепций; после них же — деятелями так называемой антикартезианской революции, начиная с Г. Райла и затем многими пред-

ставителями аналитической философии. Однако эта «революция», выдвигая рациональные критические аргументы против дуализма (с позиций логического бихевиоризма, физикализма и неопрагматизма) вместе с тем перечеркивает феноменологический аспект учения Декарта и все, что сохраняет значение для современных разработок проблемы сознания.

Постулаты дуализма рассчитаны на преодоление фундаментальной трудности, возникающей при объяснении *связи* сознания с организмом, мозгом, деятельностью человека, с материальными процессами. Эта связь эмпирически очевидна. Но как объяснить, например, тот факт, что мысль, которой нельзя приписывать физические свойства, вызывает телесные изменения? Здесь налицо «провал в объяснении» (как выражаются в аналитической философии).

Если же вы принимаете постулаты дуализма, то указанная трудность сразу преодолевается. У вас есть «готовое» и весьма «удобное» объяснительное клише для всех вопросов такого рода. Не случайно выдающиеся нейрофизиологи XX в., изучавшие мозговые механизмы психической деятельности, знаменитые Нобелевские лауреаты Ч. Шеррингтон, Дж. Эклз, Р. Сперри, У. Пенфилд занимали и отстаивали позицию картезианского дуализма (в конце жизни, правда, первооткрыватель функциональной асимметрии мозга Р. Сперри перешел на позицию эмерджентистского материализма, о котором еще будет речь).

Следует отметить тот факт, что в последние десятилетия акции дуализма заметно возросли¹. Это — во многом реакция на «антикартезианскую революцию» и засилье редукционистских концепций сознания в англоязычной философии. Характерно, что многие ее представители расширяют понятие дуализма, включают в него не только субстанциальный дуализм (картезианского типа), но и так называемый концептуальный дуализм, т.е. позицию, признающую необходимость «ментального словаря», принципиальное отличие понятий, описывающих феномены сознания от физикалистского языка. Подобное «удвоение» дуализма заведомо несостоятельно (что я пытался показать в ходе критического анализа концепции Дж. Сёрла²).

Эти разные описания действительно представляют две системы понятий, между которыми нет прямых логических связей. Первая из них опирается на понятия интенциональности, смысла, ценности, цели и т.п., вторая — на понятия массы, энергии, пространственных отношений. В обыденном языке, благодаря его высокой метафоричности и ассоциативности, такого рода «гуманитаристские» и «физикалистские» описания легко сочетаются. В научных же задачах, где требуется использование обоих типов описания в рамках единой концептуальной структуры, вопрос стоит крайне остро. Здесь как раз и возникает «провал в объясне-

нии», главная эпистемологическая трудность при попытках объяснить связь ментального и телесного, сознания и мозга. Это — одна из приоритетных тем дискуссий в современной аналитической философии. Теоретические вопросы, касающиеся преодоления дуализма, с одной стороны, и редукционизма, с другой, сохраняют высокую актуальность в разработках проблемы сознания.

3. Субъективный идеализм. *Моя субъективная реальность есть единственная реальность.* Этот постулат имеет разные интерпретации, использующие в первую очередь свойства чувственных данных; вспомним тезис Дж. Беркли: предметы суть комплексы моих ощущений. Здесь абсолютизируется «герметичность» чувственного опыта как первоисточника знания о внешнем предмете (невозможность непосредственного контакта с «самим предметом», выхода за пределы ощущений к «самому предмету», ибо любая чувственная проверка его свойств будет опять же представлять собой наши ощущения).

Проявления субъективного идеализма характерны для Юма и Фихте в их критике положений о духовной субстанции, для ряда других философов. Однако последовательное проведение постулата субъективного идеализма означает *солипсизм*, который в логическом отношении самопротиворечив, в практическом же ведет к абсурду. В этом плане чаще всего наблюдается либо концептуальная неопределенность, либо переход с позиций субъективного идеализма на позиции объективного идеализма, обращение к идее Бога как первопричине ментальных состояний индивида (например, у того же Дж. Беркли).

Тем не менее, субъективный идеализм концентрирует внимание на ряде острых и трудных вопросов проблемы сознания. Они касаются ее экзистенциалистских аспектов, уникальности и относительной закрытости субъективного мира личности, особенностей познания собственной субъективной реальности («непосредственно данного»), отчетов от первого лица и перехода к утверждениям, имеющим интерсубъективный статус, способов познания «другого сознания», подлинных переживаний, намерений мыслей другого человека. Сюда же относится злободневный вопрос о «квалиа», который широко обсуждается в современной аналитической философии, имеет давнюю традицию, связанную с истолкованиями природы первичных и вторичных качеств. Возникающие здесь эпистемологические трудности, несмотря на многочисленные концептуальные попытки их преодоления, до сих пор остаются в силе. Это же допустимо утверждать и о современных концептуальных подходах к теме «другого сознания».

4. Материализм. *Мир материален, материя есть единственная вечная и всеобъемлющая объективная реальность.* Сознание же — свойство высокоорганизованной материи.

Исходный постулат материализма также носит метафизический характер. Он противопоставляется постулату объективного идеализма. Но здесь существует некоторая неопределенность (присущая, кстати, в этом отношении и постулатам дуализма). Она связана с тем, что, согласно объективному идеализму, сознание (дух) тоже определяется как *всеобъемлющая объективная реальность*. Требуется различение, без которого как раз и возникает неопределенность. Это различение во многом интуитивно, опирается на обыденное знание (как в известном примере Канта: одно дело, серебряный талер в руках, другое — только в ваших мыслях). «Материальное» связывается с вещественным, физическим, пространственным (внешним предметом, лучом света, звуком и т.п.), а «Духовное» — с бестелесным, невесомым «содержанием», подобным нашей мысли, но только отделенной от людей и возведенной в Абсолют. Согласитесь, что трудно придумать, представить какое-либо основание для указанного различения, не ссылаясь на подобные хорошо знакомые нам реалии. Выходит, различие между «Абсолютным Духом» и «Абсолютной Материей» так или иначе коренится в нашем обыденном опыте, имеет эмпирические основания.

Указанная неопределенность в постулате материализма весьма существенна. Если учесть, что объективный идеализм способен интерпретировать внешние предметы и все физические явления в качестве «инобытия Духа», то тогда возникает сомнение в альтернативности так называемого основного вопроса философии: «Что первично? Материя или сознание?». Можно, конечно, оставить в стороне эту формулировку Ф. Энгельса, которая почиталась краеугольным камнем в советской философии. Но от этого нам не станет легче.

Материалистов может в какой-то мере утешать то, что подобные и не меньшие неопределенности присущи и постулатам остальных классических философских направлений. Это обстоятельство отражает ограниченность человеческого разума, проблематичность наших философских миропостроений. Отсюда, собственно, и неизбежность метафизических утверждений, представляющих компенсаторный механизм нашего теоретического мышления перед лицом бесконечности.

Указанную неопределенность пытаются снять, добавляя, что материальные объекты существуют *вне сознания и независимо от него*. Тем самым подчеркивают, что материя представляет собой объективную реальность, отличную от сознания, что последнее не является объективной реальностью и должно полагаться, следовательно, в качестве субъективной реальности. Такой оборот мысли дает определенные основания для противостояния объективному идеализму, для материалистического осмысления сознания. Однако объяснение сознания остается самой трудной теоре-

тической задачей для материалистической философии. Сознание определяется как продукт развития материи, что весьма логично и подтверждается наукой. Но как оно связано с материей, если оно не может быть названо объективной реальностью? Здесь стоит дилемма: 1) либо сознание все же определяется как материальный процесс, и тогда оно утрачивает свою специфику, качество субъективной реальности; 2) либо оно сохраняет это качество, и тогда его трудно соединить с материальными процессами.

Как известно, ясную и последовательную позицию в истории философии занимали те, кто шел по первому пути, особенно представители так называемого вульгарного материализма («мозг выделяет мысль, как печень желчь»). Примерно со середины прошлого века подобная линия проводилась в англоязычной философии под флагом физикалистского редукционизма («теория тождества ментального и физического», «элиминативный материализм» и др.).

Второй же путь всегда чреват противоречиями и парадоксами (сознание как «нематериальное свойство материального»)³. Те философы, которые шли по этому пути, стремились в большинстве своем вынести за скобки традиционные метафизические постулаты и ограничиться *метанаучными посылками* (например, подменяли категорию материи понятием «физического», что неприемлемо, ибо понятие объективной реальности заведомо шире понятия физического). Это типично для разработки проблемы сознания в рамках аналитической философии. Отсюда некорректные отрицания материализма теми, кто критически относится к радикальному физикализму и вместе с тем к дуализму (Ст. Прист, Дж. Сёрл и др.).

Особо следует отметить концепцию *эмерджентистского материализма*, наиболее обстоятельно развитую Дж. Марголисом, который разрабатывал проблему сознания также в русле аналитической традиции, но стремился к объяснению сознания с учетом классических метафизических посылок⁴. С этой позиции сознание рассматривается как эмерджентное свойство высокоорганизованных материальных процессов. Она получила поддержку и развитие со стороны ряда крупных философов и естествоиспытателей, которые отвергали как дуалистические, так и редукционистские подходы к проблеме сознания⁵. Надо, однако, заметить, что сам по себе принцип эмерджентности недостаточен для объяснения процесса возникновения сознания и его специфических свойств (это отмечалось мной в указанной выше статье, посвященной критике концепции Дж. Сёрла).

Я остановился сравнительно подробно на классических подходах к проблеме сознания и их метафизических предпосылках в связи с тем, что сейчас при обсуждении этой проблемы стало модно их принижать и даже ретировать. Метафизические предпо-

сылки с порога отвергают многие философы постмодернистской направленности и неопрагматизма; подобная тенденция в последнее время прослеживается и в нашей литературе. Однако все эти «продвинутые» интеллектуалы, к удивлению, не замечают, что в своих отрицаниях метафизических предпосылок и в своих теоретических утверждениях они неявно, а иногда и вполне явно, опираются на «свои собственные» метафизические послышки⁶. Последние неискоренимы, несмотря на все их недостатки, отмеченные выше. Они всегда в той или иной форме и степени присущи теоретическому знанию.

Поэтому классические философские направления сохраняют свое значение. И наиболее приемлемым из них мне представляется именно материалистическая мировоззренческая позиция (приверженцем которой я всегда был и остаюсь). Эта позиция, по моему убеждению, получает наибольшую поддержку со стороны науки (эволюционная теория происхождения психики и сознания, успехи генетики, опыт психологии и медицины и т.д.), исторического опыта, здравого смысла, практической деятельности, личного опыта (моего и хорошо знакомых мне людей). Другими словами, материалистическая позиция, несмотря на уязвимость ее метафизического постулата, имеет лучшие теоретические и эмпирические подтверждения, лучше согласуется с человеческим опытом, более эффективно противостоит химерам разума, субъективистскому своеволию, иррационализму и абсурду в человеческой жизни, а также религиозным упованиям на божий промысел и божью милость. Эта позиция жестко противостоит нынешней активности клерикалов, стремящихся снова сделать науку служанкой богословия, принизить ее роль в современной культуре, более того — дискредитировать ее достижения (чего стоят, например, недавние «опровержения» высокопоставленными представителями церкви эволюционной теории происхождения человека с помощью аргумента божественного творения и их попытки внести это в школьную программу). Материалистическая философия способна успешно выполнять функции терапии духа, склонного к шизоидным, параноидным и невротическим поползновениям. Мировоззрение материалистического характера обязывает к высокой ответственности, требует мужества духа, сохранения самостоятельности и достоинства личности, так как не существует никакого сверхличного разума и никакой сверхличной воли. Мы предоставлены самим себе и достойны той жизни и того будущего, которые вершим собственными руками. В конечном итоге будущее зависит от нашего сознания, ибо оно совершает выбор, ставит цели, направляет преобразующую деятельность человека. Если мы не сумеем существенно изменить наше сознание, судьба земной цивилизации плачевна.

Примечания

- ¹ Иллюстрацией этого может служить книга: *Foster J. The Immaterial Self: a Defence of Cartesian Dualist Conception of Mind*. L., 1991. Она дает представление о разработках концепции дуализма как своим содержанием, так и библиографией; на нее часто ссылаются новейшие авторы. Здесь уместно вспомнить и о знаменитой книге, написанной совместно К. Поппером и Дж. Экклзом, в которой они предпринимали попытку реабилитировать картезианский дуализм и интеракционизм. Эта книга вышла еще в 1977 г., но и в наше время она широко используется в попытках утвердить позицию субстанциального дуализма (см.: *Popper K., Eccles J. The Self and Its Brain. An Argument for Interactionism*. Berlin; N.-Y.; L., 1977).
- ² См.: *Дубровский Д.И.* Новое открытие сознания? (по поводу книги Джона Сёрла «Открывая сознание заново») // Вопросы философии. 2003. № 7. Статья перепечатана в моей книге: *Сознание, мозг, искусственный интеллект*. М.: Стратегия-Центр, 2007.
- ³ Методологические тупики *физикалистского* редукционизма в проблеме сознания, с одной стороны, и перипетии теоретического обоснования с материалистических позиций сознания в качестве субъективной реальности подробно рассматривались мной: *Дубровский Д.И.* Информация, сознание, мозг. М.: Высшая школа, 1980; Он же. Проблема идеального. Субъективная реальность. Изд. 2-е, доп. М.: Канон, 2002; см. также: *Юлина Н.С.* Головоломки проблемы сознания (Концепция Дэниела Деннета). М.: Канон, 2004; *Она же.* Что такое физикализм? Сознание, редукция, наука // Философия науки. Вып. 12. М.: ИФРАН, 2006.
- ⁴ См.: *Марголис Дж.* Личность и сознание. Перспективы нередуктивного материализма. М.: Прогресс, 1986. Русский перевод этой весьма содержательной и важной книги после долгих проволочек все же был издан благодаря настойчивости ее переводчиков и редакторов. Хочу отметить также, что в журнале «Философские науки» еще в 1983 г. была опубликована статья Дж. Марголиса, в которой обосновывалась позиция эмерджентистского материализма и подвергались критике редукционистские концепции в западной философии сознания (см.: *Марголис Дж.* Трудности теории гомункулюса // Философские науки. 1983. № 6).
- ⁵ См.: *Sperri P. U.* Перспективы менталистской революции и возникновение нового научного мировоззрения // Мозг и разум. Под ред. Д.И. Дубровского. М.: ИФРАН, 1994; *Bunge M.* The Mind-Body Problem. A Psycho-Biological Approach. Oxford; N.-Y., 1980; Сёрл Дж. Открывая сознание заново. М., 2002, и др.
- ⁶ В этом отношении показательна, например, книга Р. Рорти «Философия и Зеркало Природы» (Новосибирск: Изд. Новосибирского ун-та, 1997). Отрицая эпистемологию и, прежде всего, ее общие принципы, он, тем не менее, использует их в качестве аргументов, защищая свою позицию, отрицающую эти общие принципы.